уточнен: Булупари, Ла-Фоа, Кумак, Коне, Бюрай, Хуаилу, Понерихуэн, Пуэндимье, Хиенген, Канала, Тио и Паита. В среднем мы будем играть через день, чтобы во время переездов из одного населенного пункта в другой у нас оставалось время немного познакомиться со страной.

Остров узок, в ширину он имеет всего от 50 до 60 километров, но в длину достигает 450 километров Он относительно невелик, но, путешествуя по нему, легко забываешь об этом — так бесконечны дали. Приятный остров: здоровый климат, нет хищных зверей, пресмыкающихся, почти нет комаров. У этого острова три совершенно различные физиономии: западный берег однообразен, но, покрытый пастбищами, исполнен какой-то своеобразной прелести; восточный берег — чисто полинезийский: прекрасные пляжи, затененные кокосовыми пальмами, кофейные деревья, буйная растительность; и, наконец, центральный хребет, невысокий, но очень неровный, с тропической растительностью: древовидными папоротниками, лианами.

Если не считать островов Лоялти и города Нумеа, на Новый Каледонии всего 25 тысяч жителей, но там около ста тысяч голов крупного рогатого скота, часть которого живет в диком состоянии, и приблизительно столько же оленей и ланей. Меня больше всего поразили стада коров, пасущихся под кокосовыми пальмами и дикорастущими апельсиновыми деревьями. Апельсины превосходные, и у нас в машине их всегда бывает изрядный запас. Для его пополнения достаточно остановить машину и собрать плоды, которыми усыпаны обочины дороги. Лошади также живут почти на свободе. Запомнились неистовые погони за молодыми кобылками: они неслись вперед с развевающейся гривой, и жеребята едва

поспевали за ними. Обычно мы выезжали на заре, прочно усевшись в седлах с высокой задней лукой, в сопровождении управляющего большой скотоводческой фермой. Он пригласил нас к себе на два дня принять участие в жизни стокменов (австралийских ковбоев) — этот термин употребляется и на Новой Каледонии.

Дважды за время этой поездки мы играли на импровизированной сцене, прямо под открытым небом. Но импровизированной сцена бывала даже и тогда, когда она была под крышей; чаще всего подмостками служили доски, положенные на пустые баки из-под горючего. Почти всегда надо было искать источник тока. В Коне нам едва не пришлось прервать представление из-за шума движка, неудачно помещенного прямо за сценой. Рокот мотора отдавался у меня в голове; казалось, что меня никто не слышит; одним словом, было сплошное мучение. Не знаю уж из какого упрямства, но мы продолжали играть. И вот, к великому нашему удивлению, после спектакля мы узнали, что шум нисколько не мешал зрителям: они привыкли к нему, так как многие из них имеют такие же моторы, а